

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7 Сое) 44
Д21

Jenny Downham
BEFORE I DIE

Печатается с разрешения с литературных агентств
Felicity Bryan Associates и Andrew Nurnberg.

Д21 **Даунхэм, Дженни.**
Пока я жива: [роман] / Дженни Даунхэм ; пер. с англ.
Ю. Полещук. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с.
ISBN 978-5-17-115099-0

Шестнадцатилетняя Тесса Скотт сыта по горло приемными покаяниями больниц, сухими медицинскими диагнозами и сочувствующими взглядами родных, ведь за оставшийся месяц она хочет успеть то, что некоторым не удастся и за всю жизнь. Поэтому девушка составляет список желаний и собирает последние силы, чтобы исполнить их до того, как тело начнет отказывать ей. Некоторые пункты списка выходят за границы дозволенного – но именно это позволяет Тессе по-новому взглянуть на свои отношения с теми, кого она оставляет.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-115099-0

Copyright © 2007 by Jenny Downham
© Ю. Полещук, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Луи и Арчи с любовью

Один

Как бы я хотела, чтобы у меня был парень. Чтобы он висел в шкафу на вешалке, а я бы его доставала, когда вздумается, и он смотрел бы на меня, как парни в фильмах, — так, словно я красавица. Тяжело дыша, он без лишних слов снимал бы кожаный пиджак и растягивал джинсы. Под ними белые трусы; парень так красив, что у меня кружится голова. Потом он бы меня раздевал. Снимая с меня одежду, он шептал бы (слово в слово): «Тесса, я тебя люблю. Я без ума от тебя. Ты такая красивая».

Я сажусь на кровати и включаю ночник. Ручка есть, но нет бумаги, и я пишу прямо на стене: «Я хочу, чтобы на меня лег парень, хочу почувствовать тяжесть его тела». Потом ложусь и смотрю в небо. Оно странного цвета — угольно-красного, словно день истекает кровью.

Пахнет сосисками. По субботам всегда сосиски. А к ним пюре и капуста с луковой подливкой. Потом папа возьмет лотерейный билет, Кэл выберет числа, они с отцом усядутся перед телевизором с подносами на коленях и поужинают. Посмотрят «Икс-фактор» и «Кто хочет стать миллионером?». Потом Кэл сходит

в ванную и ляжет спать, а папа перед сном будет допоздна курить и пить пиво.

Сегодня он уже заходил ко мне. Подошел к окну и раздернул занавески. «Смотри!» — сказал он, когда в комнату хлынул свет. Был день, и было небо, и в нем плыли верхушки деревьев. Его силуэт вырисовывался на фоне окна; папа стоял подбоченившись — этакий Могучий Рейнджер.

— Чем я могу тебе помочь, если ты все время молчишь? — проговорил он, подошел и присел на край кровати. Я затаила дыхание. Если долго не дышать, в глазах начинает рябить. Папа погладил меня по голове, нежно массируя пальцами кожу.

— Дыши, Тесса, — прошептал он.

Вместо этого я схватила с тумбочки шапку и натянула на глаза. Тогда он ушел.

Сейчас он внизу, жарит сосиски. Я слышу, как шипит жир, как булькает в кастрюле подливка. Не знаю, действительно ли все это слышно сверху, но меня уже ничем не удивишь. Я слышу, как Кэл расстегивает куртку (он ходил в магазин за горчицей). Десять минут назад ему выдали фунт и велели не разговаривать с незнакомцами. Пока его не было, папа курил на заднем крыльце. Я слышала шорох листьев, падающих на траву у его ног. Наступает осень.

— Повесь куртку и сходи спроси, не нужно ли чего Тессе, — говорит папа. — У нас есть черника. Вдруг она захочет.

Кэл в кроссовках; когда он прыжками поднимается по лестнице и входит в мою комнату, в его подошвах

хлюпает воздух. Я делаю вид, будто сплю, но Кэла это не смущает. Он наклоняется ко мне и шепчет:

— Даже если ты больше никогда не будешь со мной разговаривать, мне плевать.

Я открываю один глаз и вижу два его голубых глаза.

— Я так и знал, что ты притворяешься, — ухмыляется Кэл. — Папа спрашивает, не хочешь ли ты черники?

— Нет.

— Что ему сказать?

— Скажи, что я хочу слоненка.

Кэл смеется.

— Мне будет тебя не хватать, — признается он и уходит, оставив меня лежать на сквозняке с открытой дверью.

Да

Зои без стука заходит в комнату и плюхается ко мне на кровать. Она странно на меня смотрит — так, будто не ожидала здесь увидеть.

— Что подельываешь? — спрашивает она.

— А что?

— Ты больше не спускаешься вниз?

— Тебе что, звонил мой папа?

— У тебя что-то болит?

— Нет.

Смерив меня подозрительным взглядом, она встает и снимает пальто. На ней короткое красное платье в тон сумочке, которую Зои бросила на пол.

— Ты куда-то собралась? — интересуюсь я. — У тебя свидание?

Она пожимает плечами, подходит к окну и выглядывает в сад. Водит пальцем по стеклу. Потом говорит:

— Может, тебе стоит поверить в Бога.

— С чего это?

— Как и всем нам. Всему человечеству.

— Едва ли. Похоже, Бог умер.

Она оборачивается и смотрит на меня. Лицо бледное, как зима. За ее плечом, мигая, по небу летит самолет.

— Что ты там написала на стене? — интересуется она.

Не знаю, зачем я дала ей это прочесть. Наверное, мне хочется, чтобы что-то случилось. Надпись сделана черными чернилами. Под взглядом Зои слова корчатся, как пауки. Зои перечитывает их несколько раз подряд. Терпеть не могу, когда она так жалостливо на меня смотрит.

— Да уж, это явно не Диснейленд, — тихонько произносит она.

— А я разве говорила, что хочу в Диснейленд?

— Мне так казалось.

— Ты ошибалась.

— Я думаю, твой папа ждет, что ты попросишь пони, а не парня.

Как здорово слышать наш смех. Смеяться больно, но мне все равно нравится. Обожаю хохотать над чем-то с Зои, потому что знаю: мы представляем себе одни и те же дурацкие картинки. Стоит ей сказать: «Тогда уж скорее подошла бы племенная ферма», как мы обе заходимся в истерике от смеха.

— Ты плачешь? — спрашивает Зои.

Не знаю. Наверное. Я всхлипываю, как женщины в телевизоре, у которых погибла вся семья. Я подвываю, как зверь, отгрызающий себе лапу. Все наваливается как-то сразу: как будто пальцы мои — лишь кости, а кожа почти прозрачна. Я чувствую, как в левом легком размножаются клетки, наваливаются одна на другую, словно пепел, медленно заполняющий сосуд. Скоро я не смогу дышать.

— Бояться естественно, — говорит Зои.

— Нет.

— А вот и да. Что бы ты ни чувствовала — так и должно быть.

— Представь, что ты постоянно живешь в страхе.

— Запросто.

Но куда ей! Откуда ей знать, как это, если у нее впереди целая жизнь? Я снова прячусь под шапкой, всего на секунду, потому что мне будет не хватать дыхания. И болтовни. И рыб. Люблю рыб. Мне нравится, как они открывают и закрывают рот.

Туда, куда мне предстоит отправиться, ничего с собой не возьмешь.

Зои следит, как я вытираю глаза краешком одеяла.

— Помоги мне, — прошу я.

Она озадаченно глядит на меня:

— В чем?

— Они пока не готовы. Я перепишу их набело, и ты меня заставишь это сделать.

— Заставлю сделать что? То, что ты написала на стене?

— И не только, но сначала — парень. Зои, ты тысячу раз занималась сексом, а я даже ни с кем не целовалась.

Зои задумалась над моими словами. Я вижу, что они запали ей глубоко в душу.

— Не то чтобы тысячу, — наконец произносит она.

— Ну пожалуйста, Зои. Даже если я буду тебя просить, даже если я тебя чем-то обижу, ты меня заставляй. У меня целый список желаний.

Наконец она соглашается, и это выходит у нее так непринужденно, словно я попросила почаще меня навещать.

— Правда?

— Ну я же обещала, разве нет?

Интересно, понимает ли она, во что ввязалась?

Я сажусь на кровати и смотрю, как Зои роется в моем шкафу. Наверное, она что-то задумала. И это мне в ней нравится. Но лучше бы ей поторопиться, потому что я начинаю думать о всякой всячине. О морковке. О воздухе. Утках. Грушевых деревьях. Бархате и шелке. Озерах. Мне будет не хватать льда. И дивана. И гостиной. И фокусов Кэла. И всего белого — молока, снега, лебедей.

Зои выудила из шкафа платье с запахом, которое папа купил мне месяц назад. Я даже ценник еще не срезала.

— Я надену это платье, — сообщает Зои. — А ты мое. — Она расстегивает пуговицы.

— Мы куда-то пойдём?

— Тесс, сейчас субботний вечер. Слышала о таком? Разумеется, слышала.

Я не вставала несколько часов. Теперь я испытываю странную легкость и пустоту. Зои в нижнем белье помогает мне надеть ее красное платье. Оно пахнет ею. Ткань мягкая и липнет к телу.

— Зачем мне надо его надевать?

— Иногда здорово почувствовать себя кем-то другим.

— Кем-то вроде тебя?

Она задумывается над моими словами.

— А что, — отвечает Зои, — пожалуй, кем-то вроде меня.

Взглянув на себя в зеркало, я замечаю, до чего переменялась: большие глаза, дерзкий вид. Я выгляжу просто потрясающе, так, будто для меня нет ничего невозможного. Даже волосы смотрятся здорово: кажется, будто они сбриты нарочно, а не просто так растут. Мы глядим на себя, стоя бок о бок, а потом Зои уводит меня от зеркала, усаживает на кровать, берет с туалетного столика косметичку и садится рядом со мной. Она выдавливает на палец тональный крем и мажет мне на щеки, а я разглядываю ее. Зои очень светлая блондинка с белой кожей; из-за угрей она выглядит немного диковато. А у меня никогда даже прыщика не было. Тут уж кому как повезет.

Она обводит мне губы контуром и закрашивает помадой. Потом достает тушь и велит смотреть прямо на нее. Я пытаюсь представить, каково это — быть Зои. Я часто так делаю, но до конца вжиться в образ никак не получается. Тут Зои снова тащит меня к зеркалу. Я выгляжу великолепно. Почти как она.

— Куда ты хочешь сходить? — спрашивает Зои.

Есть куча мест. Паб. Какой-нибудь клуб или вечеринка. Мне хочется в большую темную комнату, в которой много народу и все танцуют, то и дело задевая друг друга. Я хочу услышать тысячу оглушительно громких песен. Я хочу танцевать так быстро, чтобы мои волосы отросли до пят. Я хочу громко кричать, пере-

крывая ухање басов. Я хочу, чтобы меня бросило в жар и я грызла бы лед.

— Пойдем куда-нибудь потанцуем, — предлагаю я. — Найдем каких-нибудь парней и займемся с ними сексом.

Из гостиной выходит папа и поднимается по ступенькам. Он делает вид, будто шел в туалет, и притворяется, что не ожидал нас увидеть.

— Ты встала! — восклицает он. — Чудо! — Папа сдержанно, явно завидуя, кивает Зои в знак благодарности. — Как тебе это удалось?

Потупившись, Зои улыбается:

— Просто ее надо было немножко растормошить.

— И чем же ты ее расшевелила?

Выпятив бедро, я поясняю, глядя отцу прямо в глаза:

— Мы с Зои идем танцевать стриптиз.

— Смешно, — отвечает он.

— Нет, правда.

Он качает головой, поглаживает живот. Мне его жалко, потому что он не знает, что делать.

— Ладно, — говорю я. — Мы идем в клуб.

Папа смотрит на часы, как будто это ему что-то даст.

— Я за ней присмотрю, — обещает Зои так мило и невинно, что я почти ей верю.

— Нет, — возражает отец. — Ей нужен отдых. В клубе накурено и шумно.

— Если ей нужен отдых, зачем вы мне тогда звонили?

— Я хотел, чтобы ты с ней поговорила, а не уводила с собой!